

Секция «Психологическое измерение политических процессов в России и мире»

Феномен «образа врага» в психологии международных отношений

Научный руководитель – Аль-Дайни Мария Ахмедовна

Галдина Евгения Викторовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

E-mail: ewgenia.goldberg@yandex.ru

Понимание современных международных отношений невозможно без изучения феномена «образа врага». Данный феномен оказывает влияние на массовое политическое сознание и имеет серьёзный политический потенциал, что вынуждает государства прибегать к его помощи для реализации своих геополитических интересов. Используя «образ врага», государство может дискредитировать и дегуманизировать своего противника в представлении граждан, консолидировав общество против общей «нависшей угрозы» [4]. С точки зрения политической психологии, «образ врага» можно рассматривать как политический стереотип, который формируется в массовом политическом сознании в условиях дефицита достоверной политической информации в целях формирования нужных моделей политического поведения. «Образ врага» во многом субъективен, однако, отталкиваясь от восприятия государства мировым сообществом, возможно создать наиболее удачный и органичный имидж этого государства [6].

«Образ врага» является политико-психологическим феноменом и может исследоваться в рамках психологии международных отношений, которая является одним из направлений политической психологии и занимается изучением проблемы внешнеполитического восприятия. В массовом сознании граждан любого государства обязательно присутствуют образы других народов и государств, а также определённое отношение к ним и к взаимодействию с ними - всё это можно назвать внешнеполитическим восприятием. Поэтому в рамках психологии международных отношений феномен «образа врага» предлагается изучать с помощью интегративной методологии исследования внешнеполитического восприятия Е.Б. Шестопа - М.А. Аль-Дайни [1, 5, 7].

«Образ врага» является одной из манипулятивных технологий [2], используемых во внешнеполитическом дискурсе государств, который представляет собой вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в сфере внешней политики [8]. Внешнеполитический дискурс контролируется властными структурами взаимодействующих государств, а также государств, зависящих от результата тех или иных коммуникаций двух стран. При использовании одних и тех же инструментов манипуляции во внешнеполитическом дискурсе, продукты такого рода управления сознанием могут не совпадать, а то и вовсе быть противоречивыми друг другу. Внешнеполитический дискурс является интердискурсивным, поскольку он проникает как в политический дискурс одного государства, так и в дискурс международных СМИ, международный юридический и экономический дискурсы, и даже в военный. Интердискурсивность как неотъемлемая черта внешнеполитического дискурса обусловила появление ещё одной важной характеристики данного вида дискурса - лиминальность.

Определение и разделение на «своих» и «чужих» для создания «МЫ-группы» и «ОНИ-группы» через дискредитацию оппонента является классическим способом ведения политической борьбы. Для этого создается так называемый образ «Другого», который имеет два способа реализации: первым способом является модель политической толерантности, представленная в схеме «Я-Другой-Иной»; в качестве второго способа рассматривается негативная, то есть интолерантная политическая модель, заключающаяся в схеме «Я-

Другой-Чужой-Враг» [4]. Образ «Чужого» соответствует феномену «образа врага». «Образ врага» формируются и транслируется в социум при помощи таких технологий, как мифологизация и дегуманизация, стереотипизация и приписывание различных антиценностей [3]. Наиболее используемые технологии создания образа является технология клеймения и унификация, деперсонализация, - так «Чужой», «Враг» не имеет имени или четкого образа. Дегуманизация представляет собой связующее звено между уже указанными технологиями, поскольку их действия ограничены, если враг имеет определенные черты [4].

Феномен «образа врага» имеет набор характерных черт независимо от этноса, его культуры и социальной структуры, позволяющие систематизировать все исходные условия и инструментарий для его создания. Эти особенности сформировались еще в древности как неотъемлемая часть межродовой, межплеменной и межэтнической коммуникации.

Противопоставление, создающее некорректное восприятие человеком мира, зачастую сопровождается двойным стандартом в оценке своих и чужих действий. В сознании человека, подверженного манипуляции, происходит когнитивный диссонанс, который является причиной дальнейших ошибок в восприятии информации и дисфункции аналитического мышления; наличие «чужака» и «неприятеля» обуславливает последующие неразумные и неоправданные действия индивида, объясняющиеся необходимостью отстаивать свою позицию, охранять себя, свои ценности и обороняться.

Также необходимо признать, что прототипом «образа врага» в мифологизированном сознании и восприятии масс являются проекции «мы-они», включающая естественные отрицательные характеристики группы или этноса, которые они «перекладывают» на врага и ассоциируют с этим врагом. На фоне приписываемого аморального и асоциального поведения «чужих», поступки членов группы «свои» оправдываются и имеет позитивный характер. Такое противопоставление двух групп оправдывает насилие по отношению к «чужим».

Источники и литература

- 1) 1. Аль-Дайни М.А. Специфика формирования типов электорального поведения в современной России: политико-психологический анализ // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 2 (800). С. 9-25;
- 2) 2. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981 278 с;
- 3) 3. Кузьминская С.И. «Образ врага» в современной политической мифологии // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 49-52;
- 4) 4. Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. том 10. № 6;
- 5) 5. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.;
- 6) 6. Сеидов В.Г. Внешнеполитическое информирование в контексте внешнеполитической пропаганды // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. Сер.: Political Institutes, Processes and Technologies. 2017. № 1 (50). С. 89-95;
- 7) 7. Шестопа Е.Б. Политическая психология: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 448 с.;
- 8) 8. Ярославцева Я.А. Специфика внешнеполитического дискурса // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 4 (42).